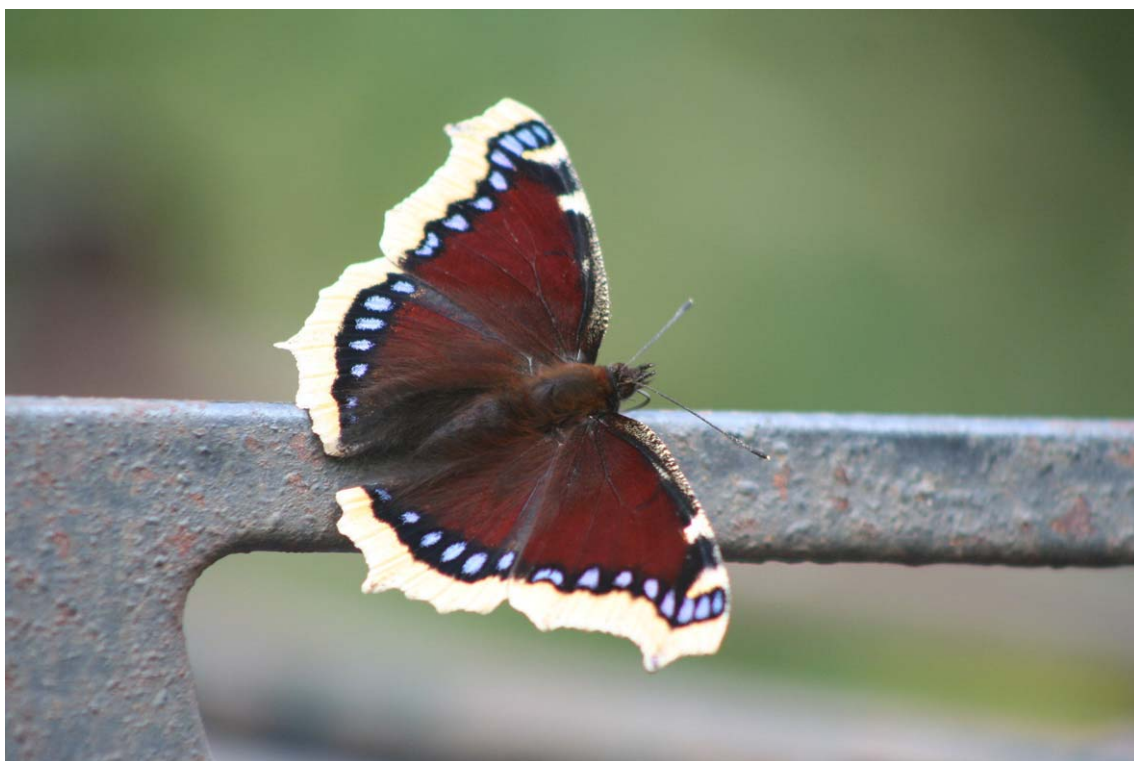


Евгений Плоткин



Встречи



ВСТРЕЧИ

Эвфемизмы

Летел я однажды из Торонто в Тель-Авив с остановкой в Будапеште. Устал как собака, столицу Венгрии смотреть совсем не хотелось, да и вообще, был я раздраженным и задерганным. В аэропорту Торонто, как положено, прицепилось израильское секьюрити со своим стандартным вопросом: “Какие еврейские праздники вы празднуете?” Ребята, конечно,



делают важное и нужное дело, но все-таки нелишне сначала поинтересоваться, еврей ли я. Рассказать им, что ли, про тамбовскую старушку и американского шпиона? Идет бабка по тамбовскому лесу, а навстречу ей американский шпион. “Здравствуйте, товарищ шпион”, – говорит бабка. Тот хватается за ампулу с ядом, но все же спрашивает: “А как ты узнала меня, бабка?” “Да ты, милоч – негр”. Так и эти бой-

цы... Но не поймут юмора, загрызут бдительностью. Повезло им все же – еврей я, но хорошо бы они спросили что-нибудь более адекватное, все равно что. Ответил им, как обычно: “9-е мая, 8 марта и Новый год”, а потом с минуту изучал выражение лица проверяющего. Попался смысленный парень и больше вопросов на эту тему не задавал, переключился на багаж – вот это совсем другое дело. Хотя... помню, один знакомый летел в дупель пьяный, тоже проходил секьюрити, его спрашивает проверяльщица по-английски: “Сами ли вы паковали вещи?” А он: “Да пошла ты...” – по-русски. Она: “Все ли время вещи были под вашим наблюдением?” Ответ стандартный, и адресат тот же. Прошел проверку “на ура”... Правда, давно это было, задолго до 11 сентября.

В общем, когда долетел до Будапешта, не соображал от усталости ничего, но все же в музей Изобразительного искусства поехал, поскольку это – дело святое. Раньше только альбомы советских музеев имелись в наличии, да еще издания этой венгерской галереи, вроде такого окна – не окна, форточки – в Европу. Первоклассный, кстати, музей, собрание графа Эстергази. Доехать доехал, но зайти уже не смог – одеревенел совсем, сел на скамеечку в парке рядом с музеем, задремал. Сквозь сон слышу – кто-то громко разговаривает, и вроде бы по-русски. Сил хватило, чтобы открыть один глаз. Вижу – два мужика ходят кругами вокруг музейных дверей, и вид у них ищущий. А речь простая, но родная.

– Твою мать, – говорит один из них, – закрыто.

А второй ему в унисон:

– Да брось, Сергеич, здесь все равно не продают.

– А ты прочти, что написано, – говорит первый, – прочесть можешь? Может, здесь, блин, перерыв?

Я открыл второй глаз, но сделал вид, что сплю.

– Ну и страна, – сказал Сергеич, – что за страна... не страна, а хрень со вкусом, мать ее растак! Может, за углом продают – десять минут осталось до автобуса, а пусто все. Ну нелюди, просто нелюди, ни ларька, ни магазина, ни точки какой-нибудь занюханной.



После этого он снова стал дергать ручки входной музейной двери, на которой были написаны часы работы галереи изящных искусств. Правда, по-венгерски.

Я понял, что это туристы, и что им очень надо – и быстро. Тут Сергеич заметил меня.

– Смотри, вон мужик отдыхает, давай спросим – может, он знает, где здесь что в округе, вроде он живой, – и он показал на меня пальцем.

Второй с сомнением покачал головой.

– Ты на его рожу посмотри, – сказал он, – ну и рожа, разве он по-русски понимает?!

И они двинулись вокруг галереи в поисках ларька.

Я мысленно посмотрел на свою рожу. Вроде бы рожа как рожа, опухла и оступела, но по-русски понимает, еще как понимает. Правда, речь у мужиков была настолько сочной, с "мать-перемать" вместо "здрасьте", что мне без практики, да еще спр-сонья, не ответить было. Ну, и антураж, вся эта Венгрия, музей – не располагали. А потом я понял, что нужны все-таки богатые эвфемизмы для передачи всех прелестей русского языка. Случай представился в прошлом году.



Мы ехали из Бонна в Бельгию посмотреть город *Нуу*. Естественно, название привлекает любого русскоязычного человека больше, чем все раритеты, вместе взятые. Но на русской карте Бельгии его нет, и я подозреваю, не будет никогда. Есть Гуи, Гюи, Уи, Юи, есть целый



выводок замысловатых транскрипций со ссылками на причуды французского языка, но честно сказать, что по-фламандски город называется так же, как и пишется, не под силу ни одному картографу. Так что пока дорога вела на *Нуу* или, как сказали бы те же бельгийцы, "*naar Нуу*", я думал, что надо просто послать в местечко на реке Маас, а не мучиться замысловатыми синонимами, не передающими тонкостей мироощущения.

Нуу оказался прелестным маленьким городком. В нем особая атмосфера провинциального благополучия и полно артефактов истории. Но, помимо всего прочего, там живут совершенно обворожительные старушки. Они кучкуются в кафе на ратушной площади и о чем-то оживленно разговаривают. Перед каждой стоит чашка шоколада с крендельком, а на всю компанию из четверых одуванчиков полагается бутылка белого вина. Не знаю, куда подевались старички – надеюсь, у них своя тусовка в кафе напротив, пока здесь пьет и судачит сугубо девичий коллектив.



Лица старушек будто высечены из камня, который или забыли, или не захотели полировать и шлифовать. Несмотря на это, их глаза наполнены мыслью, а движения – энергией. А рядом с нами сидела парочка почтенного возраста, чьи лица светилась такой плотской любовью, что я подумал: бросить бы все и уехать “*naar Huy*” – сюда, где неторопливая река омывает средневековые камни, но люди, тем не менее, живые и знают, что такое любовь.

Так вот, “уи” – это как раз тот эвфемизм, который надо ввести в русский язык для передачи прямой речи и сильных эмоций. Слово это мягкое, благозвучное, а главное короткое. Звучит как одна протяжная нота. Постепенно все и привыкнут.

Те мужики, в Будапеште, что в музее выпивку искали, без “уи” слова вообще не могли сказать. И правильно. Но нужны градации. Например, плавал я на рифе, в Красном море, в Эйлате. Вместе со мной плавал мальчик Саша, четырнадцати тогда неполных лет, сын наших ближайших друзей. Надо сказать, что дите было смышленное не по годам. На берегу на всех языках было написано “Ничего из моря не брать” – и сумма штрафа в противном случае. Подплывает ко мне Саша и говорит:

– Дядя Женя, положите коралл в плавки, там у вас места много... У вас коралл поместится, а у меня – нет.



Разумный мальчик, разумный и рациональный.
– Ты что, ошалел? – говорю я. – Ты уверен что коралл мертвый?

– Мертвый, мертвый, я проверял, мертвый и плоский.

Дело в том, что кораллы – живые существа, чаще всего достаточно ядовитые. Укус коралла оставляет ожог и след на годы, он сравним с укусом сразу нескольких десятков злобных муравьев. В общем, зацепить коралл или залезть в муравейник – большой разницы в ощущениях нет. Но кораллы кусают только живые, мертвый коралл – лишь кусок камня.

– Саша, – сказал я, – на фиг тебе коралл? Утопи его обратно, и дело с концом, а не хочешь топить – так сам и сунь, куда тебе нравится.

– Дядя Женя, я его в Ленинград отвезу, на полку положу, – ребенок инстинктивно чуял, куда меня надо бить.

“С таким доводом не поспоришь, черт с тобой”, – подумал я и пристроил коралл в плавки. Саша поплыл к берегу, я надел маску и собрался последовать за ним. И тут коралл ожил. Блин, мать честная, уи три раза, и четвертый уи, когда он стал проваливаться ниже... Это незабываемое чувство, смесь электрошока и термообработки. Это вообще непередаваемо! Уи и все остальное тело чуть не утопло от избытка эмоций. Я все-таки выплыл и пошел разыскивать паршивца, чтобы объяснить ему, что рационализм одних – это всегда мучения других. Но пока шел, остыл. Помянул пару раз уи, пару раз Сашку в контексте, и как-то полегчало.

Саша с тех пор повзрослел, стал отцом семейства, но так и не знает, что такое настоящее чувство. Вот засунул бы коралл себе – узнал бы. Правда, отцом мог и не стать...



Рыбалка



Рыбалка, по сути, тоже эвфемизм, означающий хорошее настроение, встречи с людьми, общение с природой. В Израиле нет рыбалки в привычном среднерусском смысле, зато есть морская рыбалка, таящая массу неожиданностей

Мой товарищ Нафтали, в миру Толик, взял меня порыбачить на пляже Пальмахим. Средиземное море в этом месте натывается на невысокие известковые утесы. Столкновение так себе, не из сильных, но все равно возникает подобие рифов, на которые можно забраться и, пока солнце не ударило и не изжарило все вокруг, половить на удочку местную рыбку.

К шести часам утра рыбалка уже была в самом разгаре. Рядом со мной на рифе стоял загорелый до черноты туземец с лицом потомков фараона. На груди у него висела банка с тестом. Левой рукой он загребал тесто, затем слюнявил большой палец правой руки, погружал его в левую и неуловимым движением обматывал тесто вокруг крючка. "Вот так и ловили рыбу три тысячи лет назад", – подумал я. Утренний бриз неожиданно стих, наступил штиль. Почти сразу у моего соседа

что-то клюнуло. Удочка напружинилась, а затем резко пошла вверх – очевидно, без рыбы.

– Уи, – сказал туземец, – уи вам, – и снова остервенело закинул удочку.

Я опешил и забыл про рыбалку. Это явно был не иврит, не арабский, не древнеегипетский. Но как бы это объяснить... ну, допустим, человек приезжает в Каир, идет в Египетский музей, смотрит на Тутанхамона – а тот ему и говорит: "Уи, уи вам". Примерно такой же шок, поскольку рыбак был значительно больше похож на Тутанхамона, чем на носителя русского языка.

– Клюет, – сказал я, – хорошо клюет.

– Да что, на хрен, клюет, не рыба, а одна кобзда да коммунисты... – не поворачивая головы, ответил "тутанхамон".

– Что клюет?? Что... коммунисты???

– Коммунисты. Их тут сегодня – кишмя кишит. В пять утра первого взял, покрупнее, а потом в основном выбрасывал.

"Ну да, конечно, – подумал я, – все нормально: шесть утра, Средиземное море, Тутанхамон ловит коммунистов на тесто... все в порядке, это еще не солнечный удар, это Израиль". Тут мужик подсек какую-то рыбу, выхватил ее из воды, упомянул мать – ее мать – и кинул обратно в море.

– Коммунист?

– А кто же еще, жрет все подряд, бури и на метр не подпускает.

"Бури" – это кефаль на иврите. Ходит стайками, и когда берет, то только держись. "Шаланды полные кефали..." – замурлыкал туземец, очевидно, прочтя мои мысли. И подсек еще одного коммуниста. К моему изумлению, он не стал брать его рукой, а, надев резиновую перчатку, снял с крючка, повертел со всех сторон, понюхал и снова кинул в море. Коммунист плюхнулся в воду, резво перевернулся на один бок и сиганул в глубину. Я осмелел и решил спросить:



- Почему вы зовете этих рыб коммунистами? У них же название должно быть.
- Не я их так зову, все их так зовут, и ты будешь так же звать.
- Почему?? – Не успокоился я. – Странное имя для рыбы. Барбунья, бури, денис – это я понимаю, но коммунист...

– Сколько времени ты в Израиле? – спросил мужик. Это такая калька с иврита. Когда местные люди с тобой заговаривают, они часто спрашивают “кама зман ата ба арец” – “сколько лет ты в стране”. Вопрос зачастую означает, что ты, в общем-то, парень хороший, но в чем-то слегка ущербный, недоделанный, еще не чувствующий всех нюансов местной жизни.



- Шесть лет, – сказал я.
- Откуда?
- Рига, Ленинград...
- Понятно, – сказал туземец.

– Хорошие города, я там бывал, давно. Родственники у меня в Питере.

- Что? У вас в Ленинграде родственники?
- Да, а почему нет? Что, у меня не может быть родственников в Ленинграде? Он опять подсек, на этот раз – мимо.

- Уи вам, все равно поймаю, – снова сказал он, наматывая новое тесто.
- Кого вы ловите?

– Я ловлю сарагусу – морского леща, а лезут одни коммунисты.

– Коммунисты лезут... да, конечно, лезут, а почему вы их берете в перчатках?

– Ядовитые, сволочи. И пахнут отвратительно. Но вкусные. Помыть надо как следует, всю слизь убрать – и на сковородку. Немного подсолнечного масла, только немного, они и так жирные, розмарина в брюхо засунуть и жарить минут пять с каждого бока.

– Вы здесь давно? – спросил я.

– С утра, с пяти уже стою.

– Я не в том смысле, в Израиле давно?

– Давно, – сказал он, – столько не живут... На иврите, кстати, эта рыба называется “арас”, поскольку у нее плавники ядовитые, арас – это яд, и потому что скользкая, как мылом намазанная.



– Мылом? Мыло ведь “сабон”.

– Сабон – мыло, а “арс” – блатной, который без мыла куда хочешь влезет... – и он зевнул.

– Интересно, – сказал я, – значит, она коммунистом называется за ядовитость и приблатненность.

– Нет, не за это.

– А за что?

– Сейчас поймешь. Подожди немного. Пить хочешь? – Он достал кока-колу. – Пей, в Израиле

если не пить, коньки откинешь – так, кажется, говорят?

– Именно так, коньки... или копыта. В Израиле, наверное, копыта, какие здесь коньки.

Солнце начало палить уже по-настоящему. Еще час на такой жаре – и откинется не только копыта, но и хвост. И все остальное. Я постепенно привык к соседу и поверил, что он русский, только очень загорелый и курчавый. Внешность мимикрировала, но язык сохранился во всем блеске. И ментальность, по-моему, тоже, адекватный вполне мужик. Снова заплясал поплавок, а потом резко пошел под воду. Удочка согнулась почти под прямым углом, как будто клюнул слон. Мой сосед отвел ее вбок и опять помянул уи. Затем поднял удочку и выдернул из воды рыбку грамм на 200. Но эту не выкинул, а осторожно, чтобы не задеть колючек, снял с крючка и кинул в ведро.

– Понял, – сказал он, – понял, почему их коммунистами зовут?

– Нет, не очень. Я думал, у вас там слон клюнул, а не такой заморыш.

– Шесть лет, – сказал мужик, – шесть лет уже в стране, мог бы и поумнеть. Это не заморыш, это нормальный крупный коммунист. Рыба небольшая, но когда берет наживку, то упирается отчаянно. Ложится на бок и идет на боку на глубину. Ты ее тянешь, а она плоская, поэтому цепляется за воду, что есть сил, а если за камень зайдет, то все – или лесу порвет, или себе морду. Поэтому – коммунист.



– Интересно, значит коммунист – за характер.

– Примерно. У меня тоже характер. Наверное, ее так в двадцатых годах называли, когда из России бундовцы приехали. Я не знаю. Коммунисты и коммунисты. Рекомендую. Но без перчаток хана. Один укол – и будешь неделю за палец держаться. Почти как от морского ежа.

Я вспомнил, как один наш знакомый приехал к морю и от радости сел в теплой воде на морского ежа. Нормальная речь – без уи – вернулась к нему не скоро.

– Спасибо, – сказал я, – интересная рыба. Если уж совсем нечего будет ловить, может, тогда я за них и возьмусь, но пока не хочется.

– Ну ты и, – “тутанхамон” заржал, – ну ты и твердолобый. Хорошо, я тебе скажу ее второе название. Ты курицу ешь? Курицу ты любишь?

– Курицу? Причем здесь курица? Курицу я есть люблю, а коммунистов – по-моему, нет.

– Ты меня не понял. Как ты относишься к кроликам?

– В смысле?

– В смысле кулинарии. Кроликов ты ешь?

– Кроликов я ем, я все ем.

– Шесть лет всего... Шесть лет – немного. Может, ты датишный, кролики – они не кошерные.



– Я из общества за равноправие свиней. Что, у кроликов тоже проблема с копытами?

– И с копытами тоже. Коммунист другому называется рыба-кролик. Вот, посмотри, – и он сунул мне под нос дохлую рыбу. Ее морда и зубы в самом деле напоминали кроличьи. Но при очень сильном воображении.

– Похожа? – спросил рыбак.

– Не очень, – честно ответил я, – не больше, чем на коммуниста.

– Да и ты не очень похож на рыбака,

хоть и с удочкой. Стоишь, разговариваешь, а мог бы уже полведра наловить.

– Рыбу я ловить люблю, вы это бросьте. Просто не привык еще к морской рыбалке и к коммунистам. Я все больше окуней ловил, щук, плотву, красноперку. Коммунистов – никогда. Они меня ловили, это бывало, но не наоборот.

– Все в жизни бывает впервые, я вот тоже сарагусу ловлю, а поймал одних коммунистов. Ничего, скоро туна подходить начнет, это совсем другой компот.

– Туна – это тунец?

– Это в Союзе был тунец, а здесь – туна. Название – дело десятое. Главное – кейф. Если от коммунистов кейфа нет, лови рыбу-кролика – гарантирую, кейф будет.

– Посмотрим, – сказал я. – Только не кейф, а кайф. В остальном у вас великолепный русский, будто вчера приехали.

– 30 лет... Сейчас, когда снова русские понаехали, язык восстановился. И не кайф, а кейф. От слова "кефир". Кефир – это кейф, верно? Ничего, будет хорошо, – сказал он и подсек очередную рыбку. – Уи вам, уи, – сказал он беззлобно, как и положено человеку, пьющему кока-колу.

Я пошел по рифу к берегу. "Тутанхамон", не поворачивая головы, бросил:

– Шалом, приходи еще, поговорим.

– Шалом, – сказал я, – всего доброго.

– Общий привет, – ответил туземец, и я понял, насколько все-таки он свой.

Но все же, чтобы понять, кто свой, а кто чужой, нужна хоть мало-мальски экстремальная ситуация, так как внешне люди почти не отличаются друг от друга, и это вводит в заблуждение. Внешность – внешностью, а вот реакции – совсем другое дело.

Возвращаясь из поездки на север Норвегии, мы решили заночевать в одном из шведских кемпингов. Мы – это две машины, десять человек. Перегон был длинный, километров восемьсот, все вымотались и мечтали лишь о плоском месте для палатки и о сне.

В девять вечера шведский кемпинг встретил нас темнотой и шлагбаумом. На "ресепшен" были написаны часы работы. После восьми рекомендовалось звонить в звонок, тогда кто-то придет и откроет. Мы позвонили. Никого, никаких признаков жизни. Наверное, скоро придут – подумал я и отправился на разведку в кемпинг. Все было там идеально – большая поляна для палаток, масса свободного места.

Я очень не люблю закрытые двери, стенки и шлагбаумы. Особенно не люблю шлагбаумы, за которыми не рельсы и поезд, а что-то хорошее – но не для всех. Шлагбаум в кемпинге был хлипким, на звонок по-прежнему никто не отвечал, ночь стремительно приближалась, а усталость нарастала. "Утром заплатим", – решил я и недрогнувшей рукой поднял шлагбаум. Замка на нем не было, а было некое подобие цепи. Она скрипнула и поддалась, давая возможность проехать.



Мы выбрали место для палаток. Самые нетерпеливые отправились на поиски туалета. И не нашли! Все домики были заперты и ничем особенным не пахли. Ночевать в таких условиях было невозможно. В это время из палатки вылез человек и, пошатываясь спросонья, побрел в направлении одного из домиков. "Вот, – подумал я, – ему тоже надо".

– Простите, – обратился я к мужику по-английски, – вы не скажете, где здесь туалет? Никакой реакции. Похоже, не соображает ничего со сна – предположил я и повторил вопрос. Мужик остановился и посмотрел на меня без всякого интереса,

– Туалет там, – сказал он тоже по-английски, показывая на один из домиков. – Закрыт.

– Закрыт?! А как же им пользоваться?

– Закрыт на ключ. Ключ есть у всех жильцов кемпинга.

– Отлично, – сказал я, воодушевляясь. – Мы только приехали, никого уже нет, мы ночь поспим – очень устали – а утром заплатим за ночлег и получим ключ. Мой визави стоял истукан истуканом и не собирался никак реагировать. Он что – идиот?! Я внутренне завелся. Он что, не понимает, что люди с дороги и им надо в туалет, а я всего лишь прошу у него ключ на время?

– О-кей, – сказал я, – понятно, что закрыто на ключ. Но вы-то здесь живете?

– Да.

– И у вас есть ключ?

– Да.

– Так давайте мы одолжим у вас ключ, – сказал я прямым текстом, – а потом вернем.

Мужик продолжал стоять, не мыча и не телясь. Потом твердо сказал:

– Нет.

– Что нет, – я опешил, – вы не дадите нам ключ?

– Нет, не дам.

– Хорошо, – сказал я, подумав "вот сволочь", – хорошо, не хотите давать нам ключ – не давайте, дело ваше, но я же объясняю: мы с дороги, устали безумно и очень хочется в туалет. Там что, в домике еще что-нибудь есть? Ну, например, буфет, бильярдная, ну что-нибудь, из-за чего нельзя туда войти без ключа? Хоть что-нибудь там есть еще?

– Там есть место для умывания и для стирки, – сказал мужик и снова замолчал.

– Ты хороший парень, – сказал я. – Обещаю, мы только пописаем и ляжем спать. А ключ вернем. Иначе придется все это делать рядом с палаткой.

Моя тирада прошла мимо. Совершенно спокойно мужик сказал:

– Я не думаю, что вам бы понравилось, если бы кто-то зашел к вам в дом без вашего разрешения. И пошел бы в туалет.

– Вы абсолютно правы, – ответил я, – абсолютно. Я с вами полностью согласен, но ведь дело такое – писать очень хочется. Утром мы заплатим, оформимся, но в туалет надо сейчас и всем. Так что, может быть, вы все-таки согласитесь дать нам ключ от туалета?

– Нет, – сказал мужик, – я не могу.

"Убью, – подумал я, – задушу гада своими руками".

– Ты хороший парень, – захохотал я, – а какими судьбами занесло в Швецию?

– Я юрист из Нью Джерси, – сказал он все тем же бесцветным голосом. – Сейчас отпуск.

– Очень приятно, а я профессор из Израиля. Вы в самом деле не хотите дать нам ключ? Я бы дал, не колеблясь, если бы меня попросили. У нас в Израиле все бы дали. Дадите?

– Нет, не дам. Я же вам сказал, вы въехали без оформления, ключ вам не положен.

Интересно, в Америке все юристы такие или этот особенно гнусный? Ведь не даст ни в жисть, сколько ни проси. Что же делать? По роже не врезать, хоть стоило бы, в туалет действительно всем надо, особенно девочкам, ехать дальше сил нет никаких. Сволочь он все-таки. Интересно, чего это он в палатке ночует, при его бабках? Может, он вообще чокнутый?

– Ты хороший парень, – снова сказал я. – Вижу, ключа ты не дашь, но мы все очень устали. Может быть, ты дашь совет, что нам делать?

Меньше всего я ожидал, что юрист скажет "да", но именно это он и сказал.



– Да, – сказал он, – конечно. В Швеции по закону можно останавливаться в любых местах, кроме тех, в которых оговорено противное. На дворах этого кемпинга написано, что он работает до восьми – значит, вы не можете в нем остановиться после этого времени. И ключа я вам не дам. Но в километре отсюда по дороге есть оборудованная бесплатная стоянка на берегу озера. Там есть столики, туалет и, кажется, даже душ. Там вы сможете устроиться без проблем.

Он замолк, выговорившись.

Вот те раз! Никак не рассчитывал услышать от этой двуногой рыбы такую разумную речь. Что же ты до этого строил из себя оскорбленную невинность?..

– Что же вы раньше нам об этом не сказали? – спросил я.

– А вы не спрашивали, – ответил юрист невозмутимо и пошел в туалет.

Мы немедленно собрались и поехали в указанном направлении. Стоянка была точно там, где он объяснил. Небольшая, но оборудованная, бесплатная и на берегу озера. Лежа под шведскими звездами, я не мог уснуть и все думал об этом контакте разумов. Все-таки юрист, конечно, дебил и скотина. Какие там законы, когда люди устали и им очень надо! Но вот интересно, а если бы он говорил по-русски, то и мыслил бы, наверное, по-другому? А точнее, если бы он мыслил по-русски, то и говорил бы по-другому? Трудно сказать, в чужую голову не залезешь, все-таки он хороший парень, хотя и дебил.

Вепсы

– Привет, – сказал парень и икнул. – Гобой, ко мне! – позвал он и икнул снова.

Дело происходило в лесу, к западу от Лодейного Поля, на самой восточной оконечности Вепской возвышенности.



Считается, что тут живут вепсы, былинный народ, родственники эстов, ингерманландцев и карелов. Ни одного вепса я в жизни не видел, но много слышал о заброшенных деревнях, нехоженых лесах и прочих достоинствах Вепского края.

Мы прилетели из Израиля в Питер, одуревшие от летней жары. Хотелось как можно скорее выехать на природу. Еще хотелось как можно больше дождя и прохлады, но вслух заикаться об этом в Питере не стоило. Люди там мирные, но

за такое можно схлопотать по морде даже от самых близких.

Я сел обзванивать турбазы в поисках места удовлетворения наших потребностей. Нужна была крыша над головой, туалет и лодка напрокат.

– Триста рублей, – сказал я очередной безликой девушке на другом конце провода, – мы хотим платить по триста рублей за ночь, нас 15 человек.

– Что вы, – мягко пожурила меня девушка, – ну что вы, наши услуги от 1000 рублей и выше.

– А что вы даете за эти деньги?

Девушка встрепенулась и с воодушевлением рассказала, какие райские кущи нас ожидают. Если ее не остановить, то она дойдет до VIP-сервиса, подумал я, поблагодарил и повесил трубку, чувствуя себя полным идиотом. Девушки мне надоели, цены всюду были одинаковые, и услуги тоже.

"Похоже, дело дрянь" – подумал я, и тут в трубке раздался глухой мужской голос.

– База, – слышно было отвратительно, будто с другой планеты.

– Триста рублей, – затянул я свою песню.

– У нас нет света, – сказал голос.

– Идет, – немедленно согласился я. – Озеро у вас есть?

– Есть два озера.

– А как с грибами?

– Лисички.

– Отлично, – сказал я, не веря своей удаче. – А зовут вас как? Доехать до вас можно?

– Павел. Грунтовка крепкая, – сказал он. – Я вас жду.

И вот мы добрались до этой базы. Павел оказался симпатичным молодым человеком. У него было красивое лицо, отмеченное небольшим тиком – как после контузии. Почему он стал егерем в этой глухомани – леший знает. Света в нашем бараке за 300 рублей действительно не было. Внутри стояли панцирные кровати времен взятия Очакова и печка с причудливым дымоходом, ведущим неизвестно куда. На стенах висели фотографии участников



соревнований по подледной рыбалке восьмидесятых годов. Мужики в ушанках стояли со своими ящиками и бурами перед каким-то начальником. Рядом на снегу лежали бесконечные тушки мелкого окуня. Это был кайф вместе с кейфом: прокатиться на машине времени всего за 300 рублей с носа – кто же откажется!..



Кроме Павла, на базе ошивались четверо мертвецки пьяных рыбаков и хозяйский пес Пафик. Рыбаки сидели за столом и отдыхали по полной программе, Пафик бегал от них к нам и все время кланчил какую-то хавку. Чувствовалось, что пока молодцы не нажрут до зеленых человечков – не встанут. Но когда мы обживались в бараке, один из них сел за руль джипа и поехал по какой-то нужде. Я приветливо помахал ему рукой, мужик ответил недобрым взглядом. У него на лбу аршинными буквами было написано: пьян, но способен на большее. Трое других сумели спустить

лодку и отправились рыбачить. Двенадцать негрят пошли купаться в море... Так и вышло. Алкаш на джипе до села не доехал. Он нашел единственный в округе обрыв и свалился с него в реку. Там его и нашли, выловили, откачали, сообщили на базу. Но сообщили как-то нечетко. Жив-нежив, покалечен-изувечен – неясно. Надо было извлекать его подельщиков с озера. Володя вызвался помочь егерю и сгонять за ними на весельной лодке, поскольку мотора не было. В молодости он был чемпионом Ленинграда по гребле, от мощных ударов веслами лодка почти встала на глиссаду и понеслась к рыбакам. Время было дорого, кто его знает, что там с четвертым хануриком произошло.

Вечером Володя описывал встречу с рыбаками.

– Я к ним подплыл, затормозил лодку метрах в двадцати. Вижу, трое сидят – стекло стеклом, не шевелятся. "Слышь, мужики, – говорю, – такое дело, там ваш четвертый на джипе в реку свалился, надо ехать за ним, срочно". Никакой реакции. "Мужики, – кричу, – сматывайте удочки, ехать надо, неизвестно в каком он виде, может, ему помощь нужна, давайте быстро". Сидят три кадра, и ни звука, таких раньше даже хмелеуборочная не брала, полная каталепсия. "Мужики, вы меня не поняли, может он совсем товось, перекинулся, собирайтесь на раз..." Ничего их не берет. Мне как-то не по себе стало, ну их к Богу в рай, развернулся и поплыл обратно. Отплыл метров на двести, один из рыбаков вроде пошевелился. Как они назад приплыли, не знаю. Таких тормознутых поискать – не найдешь. Что за дурь они там пили!.. Конечно, в шабашках я всяких повидал, особенно на Севере. Вот, помню...



Сидеть вечером своей компанией при свечах, чаевничать и трепаться – что может быть лучше! Есть гитара, весь год прошел в ожидании встречи – вот и сидим, оттаиваем под капающий воск. Целый день не клевало, ну и ладно. Щука бастует, окуни на диете, карась просто исчез. Его в это озеро запустили ихтиологи лет семь назад, сколько-то тысяч или миллионов мальков. Сначала карася было пруд пруди, а потом он исчез, как сгинул. Я думаю, эмигрировал по весне в теплые страны.

Мы разъели привезенные из Израиля манго. Манго на Вепсах – это да, это круто. Это все равно, что "и на Марсе будут яблони цвести". Я вышел на дорогу. Над "тьму-тараканью" вставала полная луна, освещающая иван-чай в человеческий рост и наш барак, заплывший сюда

из восьмидесятих. Лунный свет упал на мутное оконное стекло, за которым желтели полусферы горящих свечей. Мошкара со всей округи летела на этот свет. Вот так, в сущности, и мы...

На следующий день у меня пропала фотосумка со всеми объективами. Фотоаппарат остался, а сумка улетучилась. Я помнил только, что она стояла на том месте, где мы грибы чистили, и больше не помнил ничего. Расстроился, конечно, поскольку объективы для каждого фотографа – это все равно что для Мопассана усы, а для чекиста наган... Вся компания бродила по окрестным буеракам, рассчитывая, что, может, это Пафик занес ее неизвестно куда в своем вечном поиске еды или я, фотографируя очередную бабочку, оставил ее в какой-то яме. В это время на тропе появился красивый парень в высоких сапогах и спортивной куртке. Впереди него бежала охотничья собака.



– Привет, – сказал парень и икнул. – Гобой, ко мне, – позвал он и икнул снова.

Гобой мгновенно оказался рядом, его хвост ходил как пропеллер, набирая обороты. Сейчас он или взлетит, или укусит – решил я и на всякий случай отступил на шаг. Но Гобой лишь хотел ласки. Парень потрепал его по морде, и сразу же амплитуда хвостового вращения уменьшилась.

– Привет, – сказал я, – простите, вы не видели случайно черную сумку с объективами?

– Сумку? Какую сумку? Нет, не видел, – сказал парень и слегка качнулся.

Он был либо с похмелья, либо между принятия дозы. Но улыбка у него была обезоруживающая, а аура – положительная.

– Какая сумка? – еще раз спросил он. – Гобой вмиг найдет. Дай ему что-нибудь понюхать. Гобой, ко мне! – позвал он убежавшего пса. – Ко мне, дурак, совсем молодой, блин, не слушается, на уи! Сюда, кому сказано, к ноге!

Все столпились вокруг пса.

– Алексей, – сказал парень.

– Женя. Вот, приехали отдохнуть, устали от города, пофотографировать хотел, а тут такое дело.

– Гобой мигом найдет, – повторил парень.



Видимо, он возвращался к одной и той же мысли и материализовывал ее теми же словами. Гобой обнюхал мои кроссовки, а затем облизал “Кэннон”. Мы замерли. Пес рванул по дороге, обследуя все кусты.

– Молодой, – вновь сказал Алексей, – молодой, на уи.

Присутствие женщин его ничуть не смущало, поскольку народные выражения составляли неотъемлемую часть его речи. Собака вернулась и маршевым ходом отправилась к тому камню, где чистили грибы и откуда фотосумка испарилась. Добежав до места, Гобой сделал стойку и с довольным видом начал опять вращать хвостом.

– Он прав, – сказал я Алексею, – ну а дальше что? Как объяснить, чтобы дальше искал?

– Не-ет, все, кранец, – сказал Алексей. – Теперь он только Игоря послушается. Но Игоря сейчас лучше не будить. Игоря будить не надо. Игорь не поймет. Игорь... Блин, Гобой только его понимает, молодой еще, теперь надо ждать, пока Игорь проснется, тогда Гобой мигом, а со мной только на охоту ходит. Вообще-то Гобой Игорев, но Игоря будить не надо, блин, пусть отдохнет, вот встанет, блин... Гобой, сидеть, я сказал! Вот встанет, тогда мигом найдет...

– Игорь – это ваш друг?

– Игорь друг, и Паша друг, – сказал Алексей, – я сюда душой отдыхать приезжаю, поохотиться, здесь природа, блин, тайга, блин, здесь дышится по-другому.

– Может, кто-то сумку взял из тех, кто днем проезжал, может, чужой кто?

– Ты что, чужие здесь не ходят, здесь все свои... Здесь двери вообще не закрывают, не то что в городе. Вот Паша вернется – найдет.

– А где он, кстати? Дверь у него закрыта.

– В тайгу с собакой пошел, по егерским заимкам, часа через три-четыре вернется, тогда и спросим.

Алексей снова икнул и покачнулся.

– Пардон, – сказал он, – отдыхали сегодня с Игорем, я проветриться с Гобоем пошел, а Игорь – сейчас его лучше не будить, ну, ты меня понимаешь.

– Конечно, понимаю, дело житейское.

– Ты не расстраивайся, найдем твою сумку, на уи она здесь кому-то нужна, я здесь отдыхаю, охочусь, здесь леса, болота, места, блин, такие, 47 километров до ближайшего села через болота, по вешкам. Я, блин, на два-три дня хожу, охочусь, а в городе как обдолбанный.

– Неужели здесь есть зверье? – спросил я.

– Ты что, не понял, – сказал Алексей, – зверя здесь до дури. Гарантирую, в ста метрах отсюда стоит сохатый и нас слушает.

– Лось? Здесь есть лоси?



– Лосей здесь, что блох у Гобоя. По снегу следов столько, блин, е-мое, и волки рядом.

Волков я в природе не видел. Слышать доводилось. А видеть ни разу. На Валдае к окраине села приходил волк и выл по ночам. Как-то неприятно это, особенно при луне.

– На Гобоя посмотри, ухо его видишь? – сказал Алексей. – Гобой на зайца обучен. Три дня тому назад он поднял зайца, а того уже волк ждал. Пока я с ружьем подбежал, волк Гобоем ухо порвал. Но и Гобой его, видно, тяпнул как надо, Гобой, блин – молодец, хороший пес, Игоря только слушается. Ты откуда? – неожиданно спросил Алексей.

– Мы из Израиля, а вообще-то когда-то из Питера, приехали – видишь, вся старая компания, соскучились друг по другу. И на рыбалку хотелось.

– То-то я смотрю – иномарки, – сказал Алексей. – Ну ничего, ты, блин, путем, все путем. А мы на "Жигулях". Но ты понимаешь... Ну, ты понимаешь?... "Жигули" – это так, для ментов, и вообще... Если надо. Если тебе надо...

Я понял, что мы с Алексеем подружились. И в самом деле, парень он, видно, очень даже неплохой.

– Рыбалку я не знаю, – сказал он. – Я по охоте. В реке рыбы нет, вся в засеках река, ничего живого вверх не пройдет. Внизу из Ладоги лосось поднимался – раньше, сейчас, блин, совсем все базарные мужики стали, с рыбнадзором пополам делят, рыбу губят. А здесь, кстати, бобры распустились, давно их никто не отстреливал.

– Да, вчера мы бобровую плотину видели на большом озере. И по-моему, где-то недалеко хатки должны быть. Здоровая плотина.

– Смотри, – сказал Алексей и взял веточку. – Видишь эти два озера? – он начертил на земле два круга. – Между ними ручей. В половодье перемычку заливаает, рыба должна быть одна и та же в обоих озерах. Но в левом озере плотва есть, а в правом – нет, в нем вообще белой рыбы нет, только окунь да щука.

– Совсем нет?

– Совсем, хочешь лови, хочешь нет. Может, бобры что-то не то перекрыли, у них свои разборки, у рыбы – свои. А вообще здесь не то место. Я тебя могу провести по вешкам, завтра... Сорок семь километров по болотам, но только по вешкам, шаг вбок – и ух-хх, пливуны, торф. Но грибов там, клюква там... бляха-муха, все кочки красные. Да что там клюква... – Алексей внезапно понизил голос, – здесь в двух километрах берлога, медведица с двумя медвежатами.

– Не может быть! Так близко?

– Ты что, я тебе говорю – два километра. Это такое... Я ходил туда. Раньше и медведь был, но, видно, подстрелили год назад, теперь одна медведица, здоровая, злая. Подпускает на двадцать семь шагов. Я проверял. Если еще шаг сделаешь – все, пиши завещание, порвет в хлам, она, блин, за медвежат боится. Но на двадцать семь шагов можно. Хочешь, завтра пойдем?

– Надо подумать, – сказал я дипломатично.

Я видел в Америке, в Йосемитах, там черные медведи бандитствуют, залезают в открытые багажники, жрут все подряд. Банку консервов достанут – и когтями, как ножом, располосуют. Страшное дело.

– Не бойсь, – сказал Алексей, – не дрейфь, я туда с сыном ходил.

– С сыном? У тебя сын есть? Сколько ему?

– Семнадцать лет, уже семнадцать, я за него любого убью, головы поотрываю.

– Семнадцать лет сыну??? А тебе-то сколько? Я думал, ты совсем молодой.

– Какой молодой, уже 38 лет стукнуло!

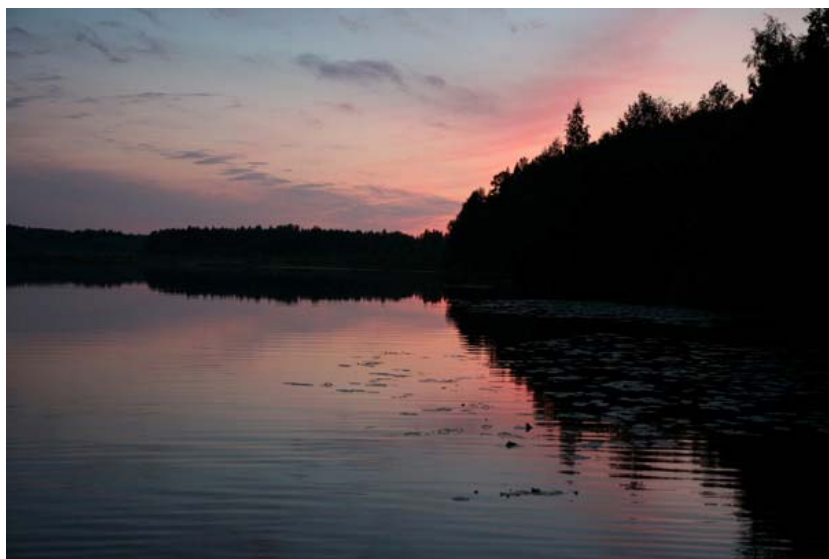
– Не знаю, выглядишь ты молодо.

– Потому что я природу люблю. А дела у меня другого нет. Почти нет, ну, ты понимаешь. На жизнь хватает и еще остается. А за сына – всех поубиваю. Я его сюда вожу, на охоту. К Паше. Мы с Пашей вместе в Чечне были. Но сын не понимает, он городской, в мать. Сидит около компьютера сутками, я ему все купил, сидит – и в лес ни ногой. Но я его все-таки к медведице сводил.

– Так пусть мать им займется, – сказал я.

– Мать... – Алексей усмехнулся, – мать погибла. Она у меня была нейрохирургом, все на работе торчала. Вот после работы ее машина и сбила.

– Где это было, когда?



– Где-где, в Питере. Я после этого оттуда и уехал. Сын тоже хочет врачом стать. Я за него глотку перегрызу. Как у вас в Израиле с врачами?

– С врачами нормально, хорошие врачи, если он врачом будет, то, я думаю, ты можешь за его будущее не беспокоиться.

– И я так думаю, – сказал Алексей. Я сам из Силамяэ, из Эстонии. Знаешь это место?

– Знаю, бывал там.

– У меня в семье все или адвокаты, или инженеры. Или менты. Один я урод. Но сын не такой. Природе я его обучу, а дальше пусть дело делает. Он хочет в Англию на хирурга ехать учиться. Ты как думаешь, стоит? Деньги я найду, я для него все сделаю. Ты как думаешь, стоит ехать?

– Конечно, стоит. Еще как стоит. Там он свое возьмет, а тут... Тут всякое бывает.

– Бывает, – сказал Алексей, – еще как бывает. Тут такое дерьмо кругом, только сунешься к кому-то, так продинамить могут, а потом мордой об стол, блин... Я сюда уйду, а ему, блин, куда? Всех убью, – внезапно сказал он снова, – всех. Кто под наркотой, кто просто сволочь. Ты кто по специальности, где ты работаешь?

– А ты как думаешь? – спросил я Алексея.



К этому времени мысли об объективах уже начисто вылетели из моей головы. Разговор занимал все больше и больше.

– Я не знаю, – сказал Алексей, – что я, гадалка?

– Математик я, математик, работаю в университете, в Тель-Авиве, преподаю студентам.

– Слушай, – Алексей даже протрезвел, – посоветуй, как ему в Англию попасть, деньги – не проблема, деньги я достану. Мне нужен совет, мне поговорить не с кем, все, блин, только бабло куют, а у меня сын...

– В самом деле совет нужен? Ну, хорошо, у тебя ручка есть? Впрочем, не надо, у меня есть, пошли – запишешь, что надо делать.

Алексей встал. Его по-прежнему шатало. Записывать ему сейчас будет трудно, Гобой ему в этом деле не помощник, но ничего, справимся. Мы сели на крыльце у входа в егерский дом.

– Значит, так, сейчас возможностей – масса. С интернетом твой сын – как?

– Все отлично, – сказал Алексей, – нет проблем.

– Пусть посмотрит, какие в Англии есть врачебные

центры, кто на чем специализируется. Посмотрит, сколько стоит учение. Какие есть гранты – пиши! – гранты! Какие есть "overseas programs" – пиши: "оверсиз програмз", что там требуется. Пусть напишет письмо, заготовит письмо на английском, что он хочет быть врачом, что ему нужна поддержка, что у него хороший аттестат, пусть все пишет, даже если хорошо в футбол играет – тоже не лишнее, никто не знает, где что работает. Записал?

– Да, записал.

– Покажи! "Overseas" не так пишется, в остальном ничего. Теперь самое главное. Ему нужны будут рекомендации. Подумай, кто ему может рекомендацию написать. У тебя есть кто-нибудь?

Алексей пытался задуматься, но у него не получалось.

– Ты можешь написать ему рекомендацию? – спросил он. – За мной не заржавеет, ну, ты понимаешь...

– Могу, – сказал я, – могу написать. Только я математик. Профессор, но математик – а ему нужна рекомендация для учебы на хирурга. Без проблем, я напишу, конечно, если тебе надо.

– Я за него глотку перегрызу. Напиши, хуже не будет, напиши.

– О-кей, я напишу, но ты мне должен прислать данные. Вот тебе мой e-мэйл адрес, пришли мне данные, я пришлю рекомендацию, договорились?

– Заметано, – сказал он, – пришлю. Ты приезжай сюда. Я тебя к медведице свожу. На двадцать семь шагов подпускает, а дальше – порвет, и ружье не поможет. Но ты не бойся. Я

к ней сына водил... А сумку – найдем, Игорь проснется, его сейчас не буди, он скоро проснется, Паша тоже придет, найдем.

Он по-прежнему был под градусом и, как обычно, стал заикливаться. Но это не имело значения. Медведица, срок семь километров нехоженой тайги по вешкам и болотам, Англия, Тель-Авив, хирургия, математика, Гобой, Чечня, объективы, рыбалка, рекомендательные письма – все сошлось и перехлестнуло через край. Я чувствовал себя опустошенным и побрел к бараку.

Через полчаса появился Павел. Он нес мою сумку с объективами.

– Ты ее забыл у меня, когда заходил зарядить мобильник, – сказал он. – А я ушел и не заметил. Ты зря волновался, здесь чужих нет...

Три дня пролетели незаметно. Рыбы почти не было, но рыбалка была душевной. Теплая торфяная вода, августовские туманы и масса впечатлений. Грибов не было тоже, да и лес оказался на любителя – темный, жутковатый, коряжистый. Не чета, конечно, горным израильским буреломам, но все равно – тяжелый даже по таежным меркам. Но настроение от места и от леса было стоящим. В последний день приехали какие-то навороченные рыбаки с эхолотами, облазили все озеро и сказали, что в нем нет ничего живого крупнее окуня. Общими усилиями мы все же поймали одну двухкилограммовую щуку и несколько доходят поменьше. Наверное, это была последняя рыба в озере до следующей весны и половодья.



По утрам из тумана периодически доносились выстрелы. Это пьяные охотники начали отстрел уток. Пора было сматываться. На прощанье Павел сказал:

– Барак, в котором вы жили, будем сносить. Да и вообще, кто знает, что здесь будет на следующий год. Может, сделают, как в Мегреге – для людей с деньгами. Проложат дорогу, будут приезжать распальцованные с ружьями, все вокруг перестреляют. Так что вы успели вовремя.

Караван машин тронулся, оставляя трехдневное приключение позади. Но я недооценил масштаба родной земли и ее прибабасов.

На "Тойоте" полетело колесо. Ближайший шиномонтаж оказался в Лодейном Поле, пятьдесят километров грунтовки туда, столько же обратно. Сгоняли на одной из машин, починили колесо, привезли его обратно, проехали пять километров – оно сдохло снова. После этого спустила старая запаска, сломался гидравлический домкрат и пошел мерзкий дождь. Обратная дорога обещала быть интересной... Худо-бедно, с остановками, добрались снова до Лодейного Поля. Шиномонтаж к этому времени закрылся. Закрылись также все остальные шиномонтажи в городе. Вообще все Лодейное Поле впало в спячку. Единственным жи-

вым местом было кафе метрах в ста от закрытой заправки, в котором сидело несколько человек. Наши девушки пошли на разведку.

– Женя, иди сюда, – позвали они меня, – иди скорее, здесь нам обещают помочь.

За столом сидели трое и пили водку по-македонски, одновременно из двух бутылок. Какая-то нехитрая закуска дополняла натюрморт. Один из мужиков, увидев меня, широко раскрыл объятия и встал навстречу.

– Иди сюда, дорогой, садись, сейчас мы все проблемы решим, – сказал он с сильным грузинским акцентом.

Грузия – моя любовь навсегда, но все-таки это было несколько неожиданно...

– Гиви, – представился он. – Садись за стол, что стоять попусту.

На Гиви были шорты и легкая рубашка. В Лодейном Поле это выглядело странновато. Тем не менее, чувствовал он себя прекрасно и был, очевидно, хозяином этого кафе. "Надо было приехать сюда хоть одному предприимчивому грузину, чтобы среди сонного царства хоть что-то заработало", – подумал я. Рядом с Гиви сидел мужик, который вообще ни на каком языке не разговаривал. Зато бицепсы у него не помещались в рубашку и выгодно обрамляли колоннообразную шею. Гиви называл его Серегой. Через некоторое время до меня дошло, что Серега все-таки не немой, а мертвецки пьяный, и что родной у него, скорее всего, русский. Третий коллаборационер был русским точно. Он опрокидывал стопку за стопкой без всякого усилия, с аппетитом закусывая чипсами. Чипсы хрустели, водочка грела – как ему хорошо, почувал бы и носорог.

Гиви достал мобильник и набрал какой-то номер.

– Алло, девушка, – сказал он, – пришлите такси, пожалуйста.

Ответ лодейнопольского диспетчера его несказанно удивил.

– Как куда прислать? Это Гиви звонит, ко мне и пришлите. Да, я сказал – к Гиви пришлите, ты что, новенькая?

Он повесил трубку и снова обратился ко мне:

– Батоно Женя, садись, подождем десять минут, отдохнем, такси приедет, тебе колесо сделают. Ну, давай за встречу. Какими судьбами здесь?

– Мы из Питера, были на Пельдозере, рыбачили.

Безымянный мужик оживился:

– Чего там ловить, там нет ничего, мелочь пузатая. Вот ко мне друзья из Питера приехали, на восемь килограмм рыбу взяли, отдохнули и уехали. Так надо ловить. В следующий раз ко мне приезжайте.

– На восемь килограмм, – сказал я, изображая восторг и недоверие, – где такое водится?

– У меня водится – значит, на Свиристое, и это еще малек.

– Здесь по монастырям ездить надо, – сказал Гиви. – Александра Свирского монастырь – слышали? Сюда со всей страны едут.

– Да, конечно знаю. Собирались, но не успели. В следующий раз обязательно съездим.

– Не успели? – Серега начал привставать, его пьяные глаза помутнели окончательно.

– Как это не успели? А вы вообще – христиане? – сказал он, распрямляя торс, на полусогнутых еще ногах. – Христиане? – и посмотрел на меня в упор.

Объяснять Сереге тонкости моих взаимоотношений с религией не было времени. Сейчас этот амбал как ударит, хорошо хоть не ногами, на ногах ему не устоять. Что же Гиви, где он со своей автокефальной церковью?

– Серега, сядь, – сказал Гиви, – ты что, не видишь, это мои гости. Садись, я сказал!

По-видимому, у Гиви были в запасе для Сереги еще какие-то аргументы, о которых я не знал. Серега сразу опал, как будто из него выпустили воздух, сел и больше не интересовался нашими клерикальными пристрастиями. Пронесло – понял я и, честно говоря, очень обрадовался.

В это время подъехало такси, из него вылез шофер и направился к Гиви.



– Вызывали? – спросил он деловито.

Гиви был на коне.

– Видишь, – сказал он, – это мои гости, у них "Тойота", нужна запаска, шиномонтаж закрыт, сделай все как надо.

Шофер кисло посмотрел на нас, потом на Гиви.

– Не могу, – сказал он, – у нас во всем парке ни одной "Тойоты" нет, не подойдут колеса.

– Как нет? – Гиви и не думал отступить. – Если нет, то сделай что-нибудь, людям помочь надо. Где шиномонтаж ближайший?

– На Сясьстрое, там справа от дороги круглосуточный сервис, километров сто двадцать отсюда.

– Дотянете? – спросил Гиви.

Я подумал, что нет, но сказал "да".

– Хорошо, – сказал Гиви, – Бог вам в помощь. В следующий раз ко мне сразу заезжайте, а не в глухомань. Не пожалеете. Серега, – сказал он, – дай пацану полтинник, все-таки не зря сюда сгонял.

Мы пошли к машине и, подкачивая колесо каждые двадцать километров, доползли до Сясьстроя. Шел дождь, не верилось, что эта ночь когда-нибудь кончится.



До сервиса, о котором говорил таксист, добраться все же не удалось. К счастью, слева появилась надпись "Шиномонтаж" и ряд темных строений перед ней. В одном из них горел свет. Мы доковыляли до дверей практически на ободу и обнаружили большую мастерскую, невысокого мужчину в спецовке, поддомкратенные "Жигули" и женщину при них – очевидно, клиентку. Учитывая глубокую ночь и полную выпотрошенность, это видение было как прикосновение ангела.

– Извините, у вас можно сделать колесо?

Мужик даже головы не повернул, как будто не услышал. Он продолжал ковыряться в машине, иногда издавая какие-то звуки. Мы стояли столбами, выжидая момент для повторения вопроса. Через несколько минут он выпрямился, взглянул исподлобья и выволочил ножной домкрат к нашей машине. Ни одного слова он так и не сказал. Опять придурак попался – подумал я, но ошибся.

Минут через сорок дошел черед до нашей машины.

– Ну, – сказал мастер и снова посмотрел на нас без всякой симпатии.

– Вот, колесо.

– Вижу, – сказал он и выматерился.

Это напоминало Алексея. Сейчас как начнется... Но ничего не началось, тишина. Мастер уперся руками в машину и задумчиво рассматривал колесо. На его скулах ходили желваки, небольшие седые усы жесткой щеткой нависали над сжатым ртом. Не проронив ни звука, он подтащил колесо к ванне и снова выругался, разглядывая пузырьки воздуха. Я осмотрелся. Мастерская представляла собой чрезвычайно упорядоченный склад инструментов, большинство из которых немало повидало на своем длинном веку. Но, помимо порядка, была еще какая-то ускользающая особенность этого действующего музея, которую никак не удавалось ухватить. Лишь через несколько минут до меня дошло, что я чувствую любовь и преданность своему делу. При этом хозяин был кремень и характер имел соответствующий.

– Камеру будем ставить, – сказал он так веско, как будто формулировал нечто эпохальное.

Как ни странно, он не добавил ничего из своего предыдущего лексикона и даже словом не упомянул родственников колеса по материнской линии. Я обернулся и увидел, что в мастерской стоит Вера. Изменение фразеологии было явно связано с присутствием женщины. На Вепсах и в Лодейном Поле этого феномена не наблюдалось.

Я прозвал мастера "рабочий Артем". Почему – не знаю сам, по-моему так звали какого-то знатного большевика из рабочих. Очевидно, дело в типаже. Артем говорил мало, но

очень веско. Что ни слово, то законченное суждение относительно машин, колес, работы и вообще устройства мира. Видно было, что себя он уважает наравне со своей работой, а свою работу ценит больше всего на свете. Как Аристофан – “хозяин, какой колор будем делать”. При женщинах он не ругался, в их отсутствии – постоянно. Настоящий рабочий интеллигент, из фильма про революцию и советскую власть.

Артем отбортовал покрышку и обнаружил, что в ней уже имеется одна дырявая камера. Потому колесо и спускало всю дорогу. Он выразил свое мнение о Лодейном Поле, о современных мастерах, о покрышке, а потом спросил:

– Вы куда едете?

– В Питер, – сказал Петя, который осуществлял главную коммуникацию с Артемом. – Мы из Питера. Домой возвращаемся.

– Куда домой? В какой район?

– А вы Питер знаете? – спросил Петя. – Нам в разные районы, кому куда.

– Конечно, знаю. Я питерский, – сказал Артем, – тридцать лет на заводе Калинина отпахал, пока сюда не перебрался.

– На Калинина, – изумился Петя. – И я там работал. Инженером.

Лицо Артема мгновенно изменилось и помягчело, как будто по твердому карандашу прошлись пастелью.

– А сейчас где работаешь? – спросил Артем.

– Малое предприятие создали, делаем, что умеем и что наработали.

– А я ушел, уехал сюда. Хватит, надоело. Здесь я сам себе хозяин. Никто над душой не висит, в бок пальцем не тычет.

– И живете здесь? – спросил я.

– А как же, переехал из Питера. Здесь грибы, рыбалка, воздух, огород.

– Мы на Вепсах грибов не нашли, пусто, лисичек немного да несколько подберезовиков.

– Места надо здешние знать, – сказал Артем, вставляя камеру в покрышку. – Я иду от дома пять километров за железную дорогу. Туда, кроме меня, никто не ходит. А я хожу, и всегда с полной корзиной возвращаюсь.

– И в этом году?

– И в этом, а как же. Лисичек два ведра принес и корзину красных.

Артем совершенно перестал важничать и разговаривал, как обычный человек, для которого речь не работа, а способ существования.

– По поводу колеса, – сказал он. – По-хорошему, его заменить надо. Я сейчас сделал так, что до Питера вы доедете, это я гарантирую. Но чинить дальше я бы не стал, заменил бы. Все-таки колесо, еще сядет не там, где надо, зачем вам эти проблемы.

Мы расплатились, начали прощаться. Артем стал совсем дружелюбным, только очень усталым.

– Вас в Питер не тянет? – спросил я на прощанье.

– Иногда, – ответил Артем, – но здесь лучше. И проще.

Про Тель-Авив я ему говорить не стал. Береженого бог бережет, да и до Питера от Сясьстроя дорога длинная.

Через несколько дней мы с друзьями уехали в Финляндию. Домик там стоил лишь немногим дороже, чем барак на Вепсах. В нем было все, что можно себе представить, а также то, что представить нельзя. Грибов было море. Их собирали в маленькие корзинки местные карелы. Наберут на обед белых – и домой. Все разумно и упорядочено. Это был ортогональный мир, параллельная вселенная.



Первое время я не исключал, что Алексей напишет по поводу сына. Как ни странно, мне хотелось дать рекомендацию. Но он не написал. Я думаю, он вообще не помнит нашего разговора. А я помню...

